

1. А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**КОММУНИКАТИВНОЕ РАССОГЛАСОВАНИЕ КАК
РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО НЕПОНИМАНИЯ В
ДИАЛОГЕ**

Ключевые слова: диалог, фрейм, коммуникативное рассогласование, регулятивная деятельность.

A.A. Romanov

Tver State Agricultural Academy, Tver

**COMMUNICATIVE DISAGREEMENT AS A KIND OF PRAGMATIC
MISUNDERSTANDING IN THE DIALOGUE**

Keywords: dialogue, frame, communicative misalignment, regulative activity

Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. **Они ни в чем не сходились друг с другом**, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем.
М. Булгаков

Изучение проблемы понимания-непонимания имеет давнюю традицию и привлекает внимание не только философов, логиков, методологов (из последних монографических работ см.: Гусев, Тульчинский, 1985; Попович и др., 1986; Яковлев и др., 1991), но и лингвистов, исследующих главным образом характер различных процессов коммуникации, интерпретации, производства и рецепции текстовых образований различного уровня (из последних монографических работ см.: Ван Дейк, 1989; Демьянков, 1989, а также сборники научных статей: Мышление и коммуникация, 1990; Текст в коммуникации, 1991). Деятельностный подход к анализу коммуникативных процессов ставит перед лингвистами задачу исследования названной проблемы в русле прагматических воззрений, трактующих общение – диадическую коммуникацию, диалогическое общение, просто диалог – как вид речевой деятельности двух или более партнеров, которые совместно решают определенные задачи при помощи своих речевых действий или диалогических шагов. Исходным пунктом указанного подхода является деятельностное или динамическое начало, осуществляемое говорящим субъектом – независимо от его коммуникативных ролей – в определенных

социальных и межличностных условиях общения с определенными целями и мотивами, с использованием всего арсенала имеющихся для этого средств.

В рамках деятельностной парадигмы изучения комплексных процессов коммуникации необходимо учитывать те лингвопрагматические аспекты общения, которые позволяют в определенной степени фиксировать уровень понимания-непонимания между партнерами, способными не только планировать очередность своих речевых действий, но и предвидеть вероятные последствия таких действий, приводящих их авторов либо к коммуникативному успеху, либо к коммуникативному провалу. В этой связи понимание как «реальное движение в смыслах» (Швырев, 1991: 17) обуславливает коммуникативную деятельность партнеров, ставит ее в зависимость от социально возможных результатов и выполняет регулятивную функцию диалогического взаимодействия партнеров (Романов, 1988: 20).

Не приходится сомневаться в том, насколько важны для понимания, точнее – «прагматического понимания» (термин Т. ван Дейка), такие аспекты диалогического взаимодействия, как фиксация стабильных (типовых) корреляций между структурой языковых образований и структурой коммуникативно-деятельностного контекста, инвентаризация конкретных языковых единиц, отражающих различного рода отношения по социально-ролевому статусу между партнерами в процессе общения, выявление норм, постулатов, конвенций, правил, аксиом, максим, которыми руководствуются участники в процессе обмена речевыми действиями или же степень готовности партнеров решать совместные задачи в общении, т.е. их установки относительно замыслов и устремлений друг друга, вера, доверие (ср. термин «кодекс доверия» – Романов, 1988), которые партнеры должны продемонстрировать в диалоге относительно замыслов своего напарника. Однако регулятивный фактор для описания последовательности процессов реального движения в смыслах, содержанием которого, как отмечает Т. ван Дейк (1989: 14-15), является приписывание речевым произведениям участниками коммуникации особых конвенциональных сущностей – иллокутивных сил, приобретает приоритетное значение.

Следует, правда, признать, что значимость регулятивной стороны диалогического общения повышается, если мы рассматриваем диалог не сам по себе, а как процесс обмена действиями (шагами) по типовому (фреймовому) образцу, где деятельность партнеров опирается на существующие знания о том, в каком направлении и в каких формах должна осуществляться их коммуникативная активность, какие установки программы должны быть положены в основу достижения согласованных, т.е. скоординированных по типовому образцу диалогических шагов (действий) при реализации общей, глобальной для коммуникативного акта цели. Сущность диалогической регуляции в фреймовой модели по типовому образцу сводится к общественно (социально) значимой организации взаимодействия участников общения, в котором передача информации, информативного содержания на основе знаний – иллокутивных,

энциклопедических, языковых, интерактивных и регулятивных (подробнее об этом см.: Романов, 1991: 83-98), – установление взаимопонимания между партнерами на основе накопленной информации подчинены основной задаче – организации успешного, согласованного взаимодействия партнеров в определенном социальном контексте.

С этих позиций понимание можно рассматривать как согласованное, т.е. не противоречащее сценарию типового образца взаимодействие собеседников, обусловленное специфическим набором типовых каузальных цепочек диалогических шагов и ходов (о разграничении шагов и ходов см. указанные работы автора) при реализации типовой цели и конкретным набором функциональных условий реализации иллокутивного потенциала типового фрейма. Совокупность (набор) типовых каузальных цепочек и соответствующих конститuentов коммуникативно-социального поля (партнеры – текст – референт – место и время) общения создает функционально-семантическое представление взаимодействия партнеров в конкретном сценарии. Такое представление есть своего рода внутренний мир партнеров, взаимодействующих в рамках иллокутивного потенциала типового сценария. Единство такого образа сценарного фрейма у партнеров формируется единым иллокутивным потенциалом, который опирается на базу общих знаний иллокутивного, интерактивного, регулятивного, энциклопедического и языкового порядка и который маркируется определенными языковыми средствами в виде прагматограммы диалогического текста (о прагматограмме диалогического текста см.: Романов, 1991а: 166) в эксплицитной, имплицитной или косвенной формах.

При появлении функциональной синонимии средств репрезентации иллокутивного потенциала партнеры прибегают к интерпретации, оценке гипотез о соответствии своих действий и действий собеседника этапному развитию типового сценария. На основании соотношения целей и средств их достижения в рамках типового фреймового сценария партнеры делают заключения о линии речевого поведения каждого из них.

Согласованное продвижение партнеров к намеченному типовой целью результату обеспечивается тем, что

а) **осуществление** отдельного иллокутивного действия на уровне диалогического шага влечет за собой производство другого иллокутивного действия со стороны собеседника;

б) **осуществление** иллокутивного действия (действий с полииллокутивным или моноиллокутивным планом) возможно в рамках сценарного представления и в строгой последовательности, соответствующей этапному развитию глобальной цели; отклонения возможны, если они рассматриваются в качестве конкретизации определенных или выясненных моментов при переходе от одной фазы диалогического взаимодействия к другой и не выходят за пределы программной реализации типовой цели;

в) **осуществление** отдельного иллокутивного действия направлено на успешное – непротиворечивое в рамках предложенного для общения сценария – совершение другого, следующего за ним в соответствии с

прагматической валентностью иллокутивного действия, прогнозирует и готовит такое осуществление.

Нарушение согласованного продвижения партнеров к результирующему эффекту может привести, как уже отмечалось, либо к коммуникативному разрыву, либо к остановке развития движения собеседников к намеченной цели, т.е. конечному результату. Здесь не рассматриваются случаи преднамеренной остановки такого развития, которая планируется собеседником, готовится и затем вводится в сценарий. Этот вопрос имеет стратегическую окраску и связан с указанной проблемой на уровне эффективности / неэффективности использования иллокутивных действий в определенном типовом сценарии. Такое нарушение, именуемое коммуникативным рассогласованием, затрагивает в большой степени координационную сторону диалогического общения и представляет собой такую разновидность речевой интеракции, в процессе которой используемые для типового иллокутивного сценария диалогические шаги не выполняют своей функциональной предназначенности, не ведут к образованию результирующего эффекта в совместной деятельности партнеров в рамках типового образца, но и не прерывают общения. Диалог продолжается, но собеседники как бы «не слышат» друг друга, хотя и обмениваются репликовыми шагами. При этом однако не наблюдается переход партнеров к новому этапу реализации глобальной цели в типовом диалоге, ср., например:

(1) – Здравствуйте! – Хартлиб приветствует сидящего на скамейке старика. Он медленно поворачивает голову и молчит.

– Я ищу учителя Мигеля Асарты, – пояснил Вольфганг. Старик пристально смотрит и молчит.

– Не могли бы вы мне сказать, где я смогу его найти? – Темные глаза пристально осматривают Вольфганга, выигрывая время. По-прежнему в ответ ни слова.

– Пожалуйста, покажите мне тогда путь к школе! – Старик на скамейке неожиданно вдруг ответил: В Энчине нет больше школы. У нас была, правда, но очень старая. И у нее однажды провалилась крыша. Балкой и придавило последнего учителя.

Хартлиб напряженно втянул воздух в легкие. – Асарта? – выдохнул он.

– Нет, – ответил старик. – Последнего звали Кортадор.

Вольфганг вздохнул с облегчением. – А где я могу найти сеньера Асарту? – начал он вновь с нетерпением.

– Да, в Энчине нет больше школы. Очень жаль. А ведь была.

– Но где же сеньер Асарта?

– Очень жаль, очень. А ведь была, хотя и старая. Вольфганг повернулся и пошел дальше.

Или другой пример:

(2) Усатый, седой и энергичный начальник вокзала быстро кивнул Левашову и снова повернулся к собеседнику:

– Ну что ты паникуешь, Денисов? Отличная же погода! Бодрит! Молодит! Посмотри на меня – разве нет? – начальник приосанился...

– Да уж молодит, – хмуро ответил Денисов. – Не знаешь, куда девать бодрость-то... Я вот подумал...

– Рейс отменить? Чего ради?.. Ну снежок выпал, ну ветерок подул! А ты и испугался?! Послушай-ка, Денисов... Дорога в порядке. Полчаса назад ушел состав из Макарова. И потом, снег идет только на юге. Доберешься до Долинска, а там тебе зеленая улица! Подумай о наших показателях, Денисов. Один отмененный рейс – и прости-прощай все премии, вся слава и почет! – начальник улыбнулся.

– О славе да почете и без меня есть кому подумать.

– И еще, – продолжал начальник, – завтра доложу в управление, что в чрезвычайно сложных обстоятельствах безукоризненно провел состав опытный машинист Денисов. Ты слышишь? Безукоризненно! – начальник поднял указательный палец.

– Да будет тебе языком-то молоть, – непочтительно сказал машинист и махнул рукой... – Зарядил – в управление доложу, в управление доложу... Докладывай, если тебе больше нечего доложить.

– Ну хорошо, – сказал начальник. – Уж и пошутить с тобой нельзя. Больно ты серьезным стал, Денисов. Скажи, пожалуйста, кого мне послать в этот рейс? Ну, говори, кого? Чтобы и дорогу знал, и опыт был бы у него в такую погоду поезда водить... Ну? Предлагай кого-нибудь...

– Господи! – воскликнул Денисов и посмотрел на начальника чуть ли не с сожалением. – Да не затем я пришел. Не надо меня уговаривать, не девчонка я... Мне сказано, я сделал. Чего ты меня уговариваешь, чего обижаешь?

– Я тебя обижаю? – ужаснулся начальник.

Приведенные примеры показывают, что коммуникативное рассогласование партнеров по достижению глобальной (типовой) цели в диалоге приводит к блокировке движения смыслов, когда каждый из собеседников играет свою сольную «партию», не выходя за пределы тематического пространства фреймового (типового) представления. При этом сохраняется и очередность обмена репликовыми шагами, и обмен репликовыми действиями в пределах сценария, и даже наблюдается определенный вклад каждого из участников в развитие коммуникативной напряженности взаимодействия. Но понимания партнерами по диалогу задачи согласованного, непротиворечивого продвижения («разрешения» по М.М. Бахтину) к результирующему эффекту не наблюдается. Больше того, партнер по диалогу может даже эксплицировать свою оценку и понимание репликовых шагов, оставаясь тем не менее на позициях непонимания реализации иллюкутивной направленности репликовых действий собеседника. Ср., например:

(3) – Как настроение? – спросил комдив.

Акимов (комбат) ответил коротко: – Хорошее.

– Что ж, молодец. Тебе хорошо среди воды. В родной стихии.

– *Танков не дадите?* – спросил Акимов.

– *Нет.*

– **Понятно.**

– *Не считаю целесообразным.*

– **Понятно.**

– *К чему тебе танки? Ничего не видно – раз. Грунт такой, что далеко на гусеницах не уедешь, – два. Подход танков разоблачит предстоящую атаку – три.*

– **Понятно.**

– *Понятно, понятно! Ты все «понятно», а сам сердишься. Артиллерии дам много. Мы им такой огневой вал устроим, только держись.*

– **Вот теперь понятно.**

– *Вот и все. Действуй (Э. Казакевич).*

Причины возникновения коммуникативных рассогласований различны и частично описаны (см.: Романов, 1987). В рамках предлагаемой работы делается попытка показать другой аспект этого явления, а именно: коммуникативное рассогласование рассматривается как разновидность прагматического непонимания партнеров в процессе реализации типовой цели диалогического взаимодействия. Другими словами, коммуникативное рассогласование следует рассматривать как явление интерактивного порядка в процессе диалогического общения между партнерами, когда каждый из собеседников соучаствует в определенной деятельности по достижению результирующего эффекта. Соучастие партнеров в такой деятельности, обусловленной фреймовым представлением о реализации типовой (глобальной) цели в диалоге, формирует согласованное общение между участниками, т.е. осуществляет своего рода реконструкцию взаимных действий относительно друг друга. При рассогласовании подобной реконструкции, как показывают примеры 1-3, а следовательно, и прагматического понимания не происходит. Кроме того, с большой натяжкой можно говорить и о соучастии партнеров в диалогическом обмене репликами. По всей очевидности мы имеем дело с соучастием чисто интерактивного порядка, т.е. с чистым обменом репликовыми шагами и соблюдением, по возможности, интерактивной очередности иницирующих и ответных действий, когда партнеры не меняются ролями инициатора и лидера.

Литература

1. Гусев С.С, Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. – М., 1985.
2. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
3. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 58-67.
4. Мышление и коммуникация. Сб. научных трудов. – М., 1990.
5. Попович М.В. и др. Доказательство и понимание. – Киев, 1986.

6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988. – 183 с.
7. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1991. – С. 82-100.
8. Романов А.А. Прагматограмма как форма реализации иллокутивных знаний в диалогическом тексте // Когнитивная и коммуникативная структура текста. Функциональный анализ. – Днепропетровск, 1991а. – С. 39-40.
9. Текст в коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1991. – С. 82-100.
10. Швырев В.С. Понимание в структуре научного сознания // Загадка человеческого понимания. – М., 1991. – С. 8-24.
11. Яковлев А.А. Что является объектом понимания // Загадка человеческого понимания. – М., 1991. – С. 53-71.

References

1. Gusev S.S., Tulchinsky G.L. The problem of understanding in philosophy. – M., 1985.
2. T. van Dijk. Language. Cognition. Communication. – M., 1989.
3. Demyankov V.Z. Understanding as the interpreting activity // Problems of Linguistics. – 1986. – № 6. – p. 58-67.
4. Thinking and communication. Collection of scientific papers. – M., 1990.
5. Popovich M.V. etc. Proof and Understanding. – Kiev, 1986.
6. Romanov A.A. System analyze of regulative means of dialogue interaction. – M., 1988. – 183 p.
7. Romanov A.A. Illocutionary knowledge, illocutionary acts and illocutionary structure of the dialogic text // Text in communication. Interuniversity collection of scientific papers. – M., 1991. – p. 82-100.
8. Romanov A.A. Pragmatogramma as a form of form of realization of illocutionary knowledge in the dialogic text // Cognitive and communicative structure of the text. Functional analysis. – Dnepropetrovsk, 1991а. – p. 39-40.
9. Text in communication. Collection of scientific papers. – M., 1990. – p. 82-100.
10. Shvyrev V.S. Understanding in the structure of scientific consciousness // The Riddle of human understanding. – M., 1991. – p. 8-24.
11. Yakovlev A.A. What is the object of understanding // The Riddle of human understanding. – M., 1991. – p. 53-71.

(0,35 п.л.)